

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ УСТАНОВОК РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НАЧАЛА XX В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Шиловский Игорь Николаевич, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, igor17011979@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-7235-6909>

Аннотация. В статье автор анализирует развитие отечественной историографии, посвященной изучению ментальности крестьян. Рассматривается проникновение зарубежного научного термина «менталитет» в отечественную научно-историческую среду и объединение его с тождественными ему значениями в русском языке. Осуществлена попытка поиска общих подходов к изучению ментальности российских крестьян в начале XX в. Проведена классификация рассматриваемых работ по периодам обращения ведущих историков страны к изучаемой проблематике. В результате проведенного анализа сформулированы основные достижения отечественной научной школы по теме исследования.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, общественное сознание, мировоззрение, крестьяне, Русский Север, отечественная историография, трансформация.

Для цитирования: Шиловский И.Н. Особенности изучения ментальных установок российского крестьянства начала XX в. в отечественной историографии // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 14–21. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-14-21>

Research Article

FEATURES OF STUDYING THE MENTAL ATTITUDES OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE EARLY 20TH CENTURY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Igor N. Shilovsky, Vologda State University, Vologda, Russia, igor17011979@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7235-6909>

Abstract. In this article, the author analyses the development of Russian historiography dedicated to the study of the mentality of peasants. The article examines the penetration of the foreign scientific term “mentality” into the Russian scientific and historical environment and its association with similar meanings in the Russian language. The author attempts to find common approaches to the study of the mentality of Russian peasants in the early 20th century. The article classifies the works studied according to the periods when leading historians of the said country addressed that issue. As a result of this research, the author formulates the main achievements of the Russian scientific school in this field.

Keywords: mentality, social consciousness, worldview, peasants, Russian North, national historiography, transformation.

For citation: Shilovsky I.N. Features of studying the mental attitudes of the Russian peasantry in the early 20th century in Russian historiography. Vestnik of Kostroma State University. 2026, vol. 32, no. 1, pp. 14–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-14-21>

Французские историки Люсьен Февр и Марк Блок на рубеже 20–30-х гг. XX в. создали «Новую историческую науку», или «школу Анналов». С именами именно этих ученых советский историк А.Я. Гуревич связывает начало исторических исследований по изучению ментальности и истокам развития западной историографии в этом направлении [Гуревич 2014: 17–24, 39–41].

В отечественной историографии рост внимания к проблематике ментальности связывают с фамилиями советских историков: А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, Л.Н. Пушкарева, М.М. Громыко и др.

Научные труды именно этих ученых дали начало развитию отечественной школы, изучающей ментальность. Так, А.Я. Гуревич считал, что четкого определения термина «ментальность» не существует, а более точным определением для изучения общественного сознания является понятие картины мира. [Гуревич 1989: 82–83, 85–88; Гуревич 2014: 22]. Осмыслить понятие менталитета и ментальности пытался еще один известный советский историк Л.Н. Пушкарев. Проанализировав изучение данного термина в западных странах, он пришел к сходному с другими советскими историками выводу,

что общепринятого определения понятия «менталитет» в зарубежной исторической науке нет. [Пушкарев 1995а: 158–160; Пушкарев 1995б: 167]. Он отметил, что на определенном этапе развития зарубежной историографии, изучающей менталитет, появились производные этого слова – ментальный, ментальность. Зарубежные историки, по его мнению, рассматривали ментальность как некую социальную память индивида или коллектива, характеризующую определенную социальную группу. Таким образом, он видел отличие менталитета от ментальности в том, что термин «менталитет» является общим понятием и имеет широкий охват, характеризующий различные группы, в то время как ментальность присуща конкретной социальной группе или определенным историческим временным отрезкам [Пушкарев 1995а: 163]. Свое представление о предмете Л.Н. Пушкарев раскрыл в монографии «Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков». В данной книге автор выделил основные составляющие восприятия окружающего мира в народном сознании крестьянства. Под этими слагаемыми он понимал отношение крестьянина к различным аспектам окружающего мира, которые находили отражение в его духовном мире [Пушкарев 1994: 3]: связь трудовой деятельности и природных явлений, обеспечение возможностей выживания крестьянской семьи [Пушкарев 1994: 98–104, 144]. Для изучения духовного мира крестьянства Л.Н. Пушкарев считал важным умение собрать устно-прозаический, устно-поэтический, а особенно паремиологический материал. [Пушкарев 1994: 7–31].

К духовной жизни русского крестьянства в своих работах обращался другой известный историк советского периода М.М. Громыко. Марина Михайловна анализировала мировоззрение крестьян, во многом, на ее взгляд, формировавшееся под влиянием специальных механизмов: традиций, обычаев, общественного мнения, фольклора и т. д., гарантом работы которых выступала крестьянская община. Сформированные таким образом стереотипы поведения и представления о мире были очень устойчивыми в течение продолжительных отрезков времени для крестьянства России [Громыко 1986: 3–14, 22–24, 268–275; Громыко 1991: 3–6]. М.М. Громыко отмечала, что советская историческая школа оформила четкий запрос на изучение общественного сознания крестьянства. В своих работах она выделила значимые позиции, которые определяли крестьянское мировоззрение. К ним она относила труд, природу, религию, семью, взаимоотношения с соседями, коллективизм, праздники. М.М. Громыко считала, что список источников, позволяющих изучать мировоззрение крестьян, очень разнообразен и выделяла в них две основные группы. К первой группе были отнесены записи эт-

нографических наблюдений и фольклора как бы «со стороны» (от лиц, непосредственно не проживающих в крестьянских общинах). Сюда она относила этнографические наблюдения и описания различными государственными структурами, хранящиеся в обширных архивных фондах, этнографические наблюдения из личных фондов, описание фольклорного материала (сказки, причитания и т. д.). Ко второй группе источников М.М. Громыко относил документы, возникшие в деревне и описывающие ее повседневную жизнь: мирские приговоры, частные случаи приговоров – выборы, доверенности, прошения, личные письма. Данные источники исследователь предлагала искать, помимо государственных архивов, в различных церковных учреждениях. При этом она специально оговаривалась, что круг источников далеко не исчерпан теми, что перечислены ею в работах [Громыко 1986; Громыко 1991].

Мир крестьянства северной русской деревни раскрыл в своем произведении «Лад» В.И. Белов [Белов]. Описывая крестьян русского Севера, он показывал их жизненный уклад, цикличность народной жизни, преемственность. Народный календарь был тесно связан с природой, обеспечивал крестьянский лад – размеренность трудовой жизни. Белов подчеркивал, что именно переплетение крестьянского бытия с трудом приводило к тому, что труд в крестьянском сознании должен был восприниматься как радость. Таким образом, общим для ученых в отечественной историографии советского периода является то, что основой формирования менталитета как индивида, так и общественной группы являлись вопросы повседневного бытия.

Попытки осмыслить крестьянское сознание, его трансформацию продолжились в 90-е г. XX в. – постсоветское время. Во многом это было связано с тем, что появилась возможность осмысления крестьянской ментальности вне догм советской классовой идеологии противостояния. Это время характеризуется множеством бурных дискуссий, направленных на понимание термина «менталитет», поиском методов и источников, позволяющих приблизиться к его изучению. Появляется большое количество научных работ, где исследователи стремятся раскрыть ментальность различных социальных слоев и групп в отдельные исторические периоды [Литягина].

Новым импульсом к осмыслению менталитета стала международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», организованная в 1994 г. Институтом российской истории РАН. Однако по итогам конференции так и не было выработано общее понимание и определение терминов «менталитет», «ментальность» [Менталитет: 5, 387, 425, 435]. Обращает на себя внимание, что в ходе указанной научной конференции нередко

тождественно понятию «ментальность» употреблялись такие термины, как «общественное сознание», «массовое сознание», «мировоззрение», «мировосприятие», «система ценностей». Употребление термина «общественное сознание крестьянства» можно наблюдать в докладах Ю.Г. Александрова, А.В. Гордона, Е.Н. Марасиновой [Менталитет: 135, 397, 432–434]. О.Г. Буховец в своем докладе указывает на родство таких понятий, как крестьянский менталитет и крестьянское сознание, вводит понятие массового сознания [Буховец, 383]. Позднее проблеме общественного сознания крестьянства О.Г. Буховец поднимал в своей монографии, где он писал, что зарубежный термин «менталитет», или «ментальность», несет идентичный смысл, либо, по крайней мере, смежен отечественному термину «общественное сознание» [Буховец: 63–66]. Как «массовое сознание» крестьянскую ментальность обозначали в своих докладах Д.Х. Ибрагимова, В.П. Данилов, Л.В. Данилова [Менталитет: 23, 408].

Многие из выступавших на данной конференции термин «менталитет» отождествляли с понятием крестьянского мировоззрения [Менталитет: 22, 402], мировосприятия [Менталитет: 22, 44, 69; 74, 124, 269, 285, 374, 419]. О.Ю. Яхшиян под менталитетом крестьян понимал их жизненный уклад и систему ценностей. В.П. Данилов, Л.В. Данилова считали, что помимо типа хозяйствования (занятия земледелием и животноводством) существенно влиял на мировоззрение крестьян труд на земле [Менталитет: 22–39, 375]. Л.В. Милов акцентировал внимание присутствующих, что само понятие термина «менталитет» находится на стыке наук – истории, психологии, философии и ряда других. Поэтому понимание данного термина требует междисциплинарного подхода к его изучению [Менталитет: 414].

Большинство выступающих попытались определить перечень условий, которые сказались на формировании ментальности крестьянства России в XIX–XX вв. Так, А.В. Гордон, Л.В. Милов, В.П. Данилов, Л.В. Данилова, В.В. Кондрашин, Е.Н. Марасинова, Ю.П. Бокарев, И.Е. Кознова, О.Ю. Яхшиян к таким условиям отнесли природно-климатические факторы [Менталитет: 32, 38–39, 40–44, 64–65, 70, 115, 141, 171–172, 239, 375]. Еще одним из условий, которые оказали существенное влияние на формирование крестьянского сознания, были религиозные и культурные особенности российского крестьянства. Такой точки зрения придерживались В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Л.В. Милов, В.В. Кондрашин, И.Е. Кознова, О.Ю. Яхшиян, С.В. Кузнецов, Л.А. Тульцева. Докладчиками подчеркивалось, что языческие обряды тесно перемежались с православием [Менталитет: 26, 32, 44, 116, 239, 285–293, 294–305, 375]. Малоземелие как определяющее условие для формирования мен-

талитета выделяли историки В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Л.В. Милов, В.В. Кондрашин, А.В. Гордон, И.Н. Слепнев, Н.Г. Рогалина [Менталитет: 25, 28, 33, 42, 71, 226, 230].

В свою очередь специфические условия формировали различные особенности мировосприятия крестьянами. К одной из таких особенностей в своих докладах О.Ю. Яхшиян, В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Н.Г. Рогалина отнесли коллективизм, считая его основой мировоззрения русского крестьянства. Такой вывод они делали, исходя из того, что община была замкнутой группой, в которой крестьянин с малолетства формировал свои представления о мире. Община кормила крестьянство, позволяла ему своевременно уплачивать налоги, формировала коллективистское мышление. Именно эту особенность они считали очень устойчивой во времени, которую не изменили ни пореформенное время и связанное с ним начало расслоения крестьянства, ни начало вхождения в индустриальную эпоху и применяемые агротехнические новшества. Коллективистское же мировосприятие крестьянства позволило в дальнейшем провести советскому правительству коллективизацию [Менталитет: 22–39, 230, 375]. Сходные соображения высказали: Л.В. Милов, В.В. Кондрашин, Л.Н. Вдовина, В.В. Бабашкин [Менталитет: 22–39, 56, 117–118, 129, 134, 384]. На общинность равно коллективизм указывали И.Е. Кознова, А.В. Гордон, М.А. Безнин, Т.М. Димони, Н.Г. Рогалина, Д.Х. Ибрагимова [Менталитет: 57, 72–73, 166, 234, 263, 397].

Совокупность представлений об окружающем мире в сознании крестьянина и определяли его менталитет. Необходимо понимать, что они не были статичными и некоторые из них с течением времени проходили трансформацию. Наиболее часто историки говорят о таких определяющих ментальность структурах, как:

- отношение к природе;
- отношение к религии;
- отношение к общине (взаимоотношениям с соседями, коллективному труду);
- отношение к труду на земле;
- отношение к государственным органам власти (в это понятие входит и налогообложение государством крестьянства);
- отношение к торговле;
- отношение к земле;
- отношение к семье.

При этом историки-аграрники указывали, что на формирование общественного сознания очень серьезный отпечаток оказывали региональные условия [Менталитет: 45, 227].

Актуальным для обсуждения участниками конференции был вопрос определения перечня источников, которые можно использовать для изучения

ментальности крестьянства. Так, В.В. Кондрашин говорил о ведущей роли фольклора. На фольклор как один из источников, который позволяет проанализировать историческую память крестьянства, указывали И.Е. Кознова и А.В. Гордон. Необходимость изучения пословиц и поговорок для исследования мировоззрения крестьян обосновывали И.Н. Слепнев, В.В. Бабашкин, М.А. Вылцан. В свою очередь, М.А. Рахматулин использование паремиологического материала как самостоятельного вида источника поставил под сомнение. Он считал, что для того, чтобы утверждать, что данный вид источников может характеризовать сознание крестьянства в тот или иной исторический период, необходимо хотя бы вначале понять, в какой период времени этот материал был создан, также ученый указывал, что современному исследователю неизвестен и повод, послуживший стимулом к их созданию.

К другим источникам, которые наиболее часто предлагались историками для изучения общественного сознания крестьянства, относились: письма (Е.Н. Марасина, Д.Х. Ибрагимова, Т.М. Димони, О.Ю. Яхшиян, Л.Н. Денисова); печатные издания (О.Ю. Яхшиян, Д.Х. Ибрагимова, Л. Денисова); крестьянские наказания (В.П. Данилов, Л.Т. Сенчакова); официальная документация, содержащая сведения о крестьянах (Л.Т. Сенчакова, В.Л. Дьячков, С.А. Есиков). Критиковал использование писем как единственного источника для изучения ментальности Л.В. Милов, он подчеркивал, что это крохи, так как основная часть крестьянства «молчала» (в силу своей неграмотности) [Менталитет: 93, 102–105, 135–138, 149, 163–165, 173–183, 261, 215, 282–283, 324, 335–339, 381, 388, 398, 404–405, 407–408, 411, 434, 436].

Можно выделить отсутствие общности взглядов в выборе источниковой базы для изучения менталитета. При этом большинство историков допускали возможность использования достаточного широкого круга источников [Буховец: 183].

Позднее попытку определить основные источники для изучения ментальности осуществили историки РАН Е.Ю. Зубкова и А.И. Куприянов. В своих выводах они формулируют мысль о том, что разнообразные источники, созданные человеком, могут использоваться историками ментальностей, это является их коренным отличием от историков других направлений. Они подчеркивали, что нет таких источников, в которых не отразились бы взгляды, настроение людей, их индивидуальные и групповые установки. При этом они отмечали, что иерархия ценности этих источников для историка серьезно поменялась. В своих рассуждениях они отдают приоритет источникам личного происхождения (дневники, письма, мемуары и т. д.). При этом авторы резонно

отмечают, что количество таких источников в средние и более ранние века ничтожно мало и они могут затрагивать только определенные слои общества, которые находились наверху «иерархической лестницы» в тот исторический период. Изучение ментальности других слоев общества в данном случае возможно для историка-исследователя в основном только через официальную документацию. Развитие же грамотности в новое время позволяет нам услышать «голоса» ранее молчавших слоев общества (в большей степени это касается именно крестьянства). Но и сами источники личного происхождения для понимания и осмысления менталитета не равны между собой. Так, Е.Ю. Зубкова и А.И. Куприянов считают, что наиболее информативны источники личного происхождения, которым присущ интимный характер (то есть запечатленная в них авторами информация изначально не предполагала прочтение их другими людьми или предполагала чтение их очень ограниченным числом духовно близких им лиц). При этом они пытаются градировать ценность даже таких источников, на наш взгляд, справедливо отмечая, что малограмотные крестьяне в XVIII–XIX, да и в XX в. склонны более точно выражать свои жизненные установки и размышления. Этнографический материал – еще один из видов источников, который, на их взгляд, позволяет наиболее глубоко понять мировоззрение определенной группы общества [Зубкова, Куприянов].

На современном этапе научно-исследовательскую деятельность по изучению ментальности крестьянства продолжили О.А. Сухова, В.Б. Безгин, Н.Г. Кедров и др. В их работах мы видим отражение уже сложившихся нарративов в отечественной историографии, которые во многом были заданы научными изысканиями 90-х гг. XX в. Идет попытка систематизации и обобщения полученных взглядов, активизируется использование междисциплинарного подхода в научных исследованиях. Отмечается повышенный интерес ученых к правосознанию, взаимоотношениям крестьянства с властью. Ряд историков пытаются объяснить противоречия в русской ментальности, которая проявляется, с одной стороны, устойчивостью общественных представлений, а с другой стороны, при накоплении некой критической массы и создании определенных кризисных условий, – резким переходом на новый уровень сознания. В целом стоит отметить рутинизацию взглядов в отношении понятия ментальности, основных факторов, формирующих общественное сознание, и условий, определяющих их возникновение. Во многом это связано с тем, что само понятие ментальности уже прочно вошло и закрепилось в современной исторической науке. Допускается использование широкого спектра источников, осуществлена попытка их ранжирования, где

наибольшая ценность отдается источникам личного происхождения. Это в первую очередь связано с тем, что именно они содержат в себе прямые ментальные представления и установки обывателя о повседневной картине мира.

В.Б. Безгин в своей монографии «Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян» [Безгин] отмечал, что проблемы менталитета, общественно-го и правового сознания крестьянства мало изучены в отечественной историографии. Свое научное исследование он провел в рамках междисциплинарного подхода, анализируя этнографические материалы и историю права. На основании собранного материала он пришел к выводу, что самоорганизующаяся община русского крестьянства выработала определенные нормы, регулирующие различные стороны правовых взаимоотношений в деревне. Данные нормы были закреплены в обычаях и передавались крестьянами из поколения в поколение. Обычай уходил своими корнями в патриархально-родовой быт и был тесно связан с менталитетом общества. По мнению В.В. Безгина, обычай отражает обыденное сознание крестьянства, позволяет раскрыть глубинные черты крестьянской ментальности. Автор считает, что решающее значение в формировании крестьянских представлений оказал сельскохозяйственный труд и авторитет старших поколений. Правовой быт крестьян, на его взгляд, был тесно связан с архаикой крестьянских суеверий и религиозностью. В основе же крестьянских представлений лежат принципы социальной справедливости, правды, общинной уравнительности, приоритета общественных интересов над личными.

Дальнейшее развитие, связанное с изучением крестьянской ментальности в России, мы находим в научных работах О.А. Суховой [Сухова 2007; Сухова 2008], где она осуществляет попытку интеграции понимания термина «менталитет» путем поиска общего в обществоведческих дисциплинах: истории, философии, психологии, социологии и т. д. На наш взгляд, сделать это очень сложно в силу существенных различий в освоении разными дисциплинами не только данного термина, но и других терминов, которые составляют его основу. К таким терминам относятся: «сознание», «общество», «группа», «групповые нормы», «подсознание» (в той же самой психологии нет единого понимания механизмов его формирования и влияния на поведенческие реакции) и т. д. В научных работах О.А. Сухова пытается разграничить индивидуальное и общественное сознание, рассмотреть их взаимодействие. Она делает вывод о преобладании массового сознания над индивидуальным – как особенности именно русского менталитета. Доминирующая роль в таком соотношении отдается крестьянской общине. Автором предложен

ряд факторов, которые, на ее взгляд, оказались решающими для формирования русского менталитета. Некоторые из них, в частности природные, как показано в ходе нашего историографического обзора, уже стали некоей константой для отечественных историков-аграрников. Однако, спорным, по крайней мере на наш взгляд, является видение того, что одним из факторов, повлиявшим на русскую ментальность, является присущее нашей цивилизации отставание в развитии.

Также О.А. Сухова рассматривает механизмы устойчивости мировосприятия крестьянского сознания. Она приходит к выводу, что мировоззренческие основы крестьянства были заложены в виде архетипов еще в догосударственный период. Устойчивость этих архетипов она объясняет тем, что всем изменениям противостояло коллективное сознание общины, которое сохраняло первоначальные мировоззренческие стереотипы, интегрируя внешние изменения под уже сложившуюся устойчивую концепцию. Такая устойчивость архетипа была возможна до тех пор, пока община была гарантией выделения минимального продуктового набора для ее членов. Заложены в крестьянство архетипы формировали ведущие ментальные установки крестьянства – коллективизм, труд, земля, равенство и справедливость, вера, взаимоотношения с государственной властью. О.А. Сухова изучала цикличность крестьянских проявлений – от покорности к беспощадному бунту. Ею были описаны глубинные механизмы данной дуалистичности крестьянского сознания, когда переход из одного состояния в другое был вызван защитными механизмами сознания русского крестьянства при попытке разрушения заложенных в них архетипов. Ученый приходит к выводу о реликтовости крестьянского сознания в эпоху индустриализации, что в XX в. приводит к исчезновению крестьянства и присущего ему менталитета. Основу источниковой базы проводимых научных разысканий составляли материалы делопроизводства (светские и духовные) и сведения личного происхождения. Свою исследовательскую деятельность О.А. Сухова построила на материалах архивных фондов Среднего Поволжья.

Изучение политического сознания крестьянства как одной из составных частей общественного сознания предложил Н.Г. Кедров [Кедров]. В своем исследовании он использовал материалы по территории Русского Севера, при этом сознательно рассматривал районы, заселенные русским населением. Он обращает внимание на малоизученность политических представлений крестьянства в период коллективизации, при этом указывая, что политическое мировоззрение крестьян во время революции и Гражданской войны, наоборот, получило очень серьезные исследовательские наработки.

Решающую роль в формировании политической ментальности крестьянства в 1930-е гг. Н.Г. Кедров отводит государству, которое для этого активно использовало пропагандистские приемы. Эффективность пропаганды подкреплялась деятельностью государственных карательных органов и поощрением крестьянской активности (пример: взять на себя повышенные обязательства, сообщить о вредительстве). Такое постепенное втягивание в государственные инициативы неизбежно приводило к трансформации крестьянского сознания. При этом советское государство сознательно стимулировало представления крестьян о преимуществе жизни в городе, обесценивало значение сельскохозяйственного труда. Формировались новые ментальные установки, ведущие к раскрестьяниванию, массовому оттоку крестьянского населения в города. Государством насаждались коллективные нормы, которые крестьянин впитывал в себя, чтобы выжить. Возникал приоритет общественного сознания над индивидуальным, что ложилось на исторические основы крестьянской ментальности (общинность). Н.Г. Кедров, как и ряд предыдущих рассмотренных нами историков, в своей работе отмечал дуалистичность крестьянского сознания, где переход от бунта к повиновению связывался непосредственно с силой государственной власти. Малограмотный крестьянин Русского Севера улавливал не суть политических изменений, а включал программу повиновения власти, как это было заложено в его ментальности, когда власть в России оказывалась сильной. Таким образом, он пришел к интересному выводу, что представления крестьян в оценке власти в исторической ретроспективе оставались устойчивыми и не претерпели никаких серьезных изменений. Основные ценностные для крестьянского мировоззрения критерии восприятия государственной власти – справедливость, законность, порядок, присущие сознанию крестьянства и в предыдущие эпохи, – остались неизменными. В свою очередь, процесс раскрестьянивания приводил к обратимым процессам – формированию новой общности. Однако вот эта общность, которая возникла уже после «сталинских крестьян» и с новыми ментальными установками, подрывала основу государственной власти, ее создавшей. Изменения типичных крестьянских представлений автор связывал со структурным изменением самого крестьянства в 1930-е гг.

Осмысление термина крестьянской ментальности в России продолжила Н.В. Шалаева [Шалаева 2019; Шалаева 2023]. В качестве ключевых факторов для развития общественного сознания крестьян она называет природные условия и крестьянскую общину. Данным автором предложено определение общественного сознания как комплекса идей, взглядов и чувств, в которых отражается бытие простого че-

ловека на разных уровнях: личностном, групповом и социальном [Шалаева 2023]. Исследователь рассматривает наличие в крестьянском сознании двух противоречий, которые во многом определяют его поведенческие стереотипы, – схожие размышления наблюдаются и в работах О.А. Суховой.

Подводя итог, можно сказать, что термины «общественное сознание», «мировоззрение» крестьянства были введены в оборот еще советскими историками и этнографами. Проникновение термина «менталитет» и исследования, с ним связанные, пришли из западной историографии. А широкое распространение и обсуждение проблем ментальности в научной исторической среде это понятие приобрело в последнее десятилетие советской власти, получив активное развитие в постсоветский период. Тогда же и происходит попытка объединения иностранного термина «ментальность» с тождественными ему понятиями в русском языке – общественное сознание, массовое сознание, мировоззрение, мировосприятие. Тем не менее надо признать, что отечественная историография (как и западная) так и не пришла к единому пониманию значения данного термина. При этом оно прочно вошло в историческую науку и используется различными учеными в исследовательских работах. Изучение сознания группы (менталитета) представляет интерес для многих наук: философии, истории, психологии, социологии, политологии, и все они пытаются дать свою трактовку данному термину. Это создает возможность для использования междисциплинарного подхода в дальнейших научных исследованиях.

Советская, а затем и российская научная школа исходит из понимания устойчивости менталитета – неизменной в течение длительного времени структуры массового сознания. При этом однозначно считается, что сознание как социальная величина не является статичной и с течением времени трансформируется.

Как правило, историками анализируются следующие составные части менталитета: отношение к природе, религиозность, правосознание, отношение к сельскохозяйственному труду, общественные взаимоотношения (с соседями, государственными органами власти, взаимоотношения в семье).

В отечественной историографии отсутствует общность взглядов в выборе источниковой базы, необходимой для изучения ментальности (общественного сознания) русского крестьянства. С одной стороны, это позволяет привлекать широкий круг источников в своей работе, а с другой стороны, отсутствует понимание ограничений и спекулятивности применения ряда видов источников. Историками современности осуществлена попытка их ранжирования, где наибольшая ценность отдается источникам личного

происхождения. Это связано в первую очередь с тем, что именно они содержат в себе прямые ментальные представления и установки обывателя о повседневной картине мира. Как нам представляется, наиболее верным будет использование в своем научном исследовании различных видов источников, что позволит говорить о репрезентативности в авторской научной работе.

Список литературы

Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва: Common place, 2017. 334 с.

Белов В.И. Лад. Очерки народной эстетики / предисл. С.Н. Семанов; отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2013. 512 с.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. Москва: Мосгорархив, 1996. 398 с.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. Москва: Наука, 1986. 277 с.

Громыко М.М. Мир русской деревни. Москва: Молодая гвардия, 1991. 269 с.

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. 1989. Вып. 1. С. 75–89.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-е изд., доп. и испр. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. 432 с.

Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.

Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930 годы. Москва: Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.

Литягина А.В. Ментальность и её исследование историками в постсоветский период (1990–2000-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1, № 4. С. 71–78.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: РОССПЭН, 1996. 440 с.

Пушкарев Л.Н. «Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков». Москва: Наука, 1994. 192 с.

Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995а. № 3. С. 158–166.

Пушкарев Л.Н. Европейская история менталитета // Вопросы истории 1995б. № 8. С. 167–169.

Сухова О.А. Некоторые итоги изучения истории менталитета в современном российском крестьяноведении // Известия Пензенского государственного

педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 8. С. 136–140.

Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. Москва: РОССПЭН, 2008. 679 с.

Шалаева Н.В. Трансформация ценностного мира человека в период революционных процессов в России (1917 г.) // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Е.Б. Дудниковой. Саратов, 2019. С. 395–399.

Шалаева Н.В., Крайнов А.Л. Проблема крестьянской ментальности и модернизационные процессы России начала XX в.: теоретико-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 86–91.

References

Bezgin V.B. *Muzhickaja pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'jan* [The Peasant's Truth. The Customary Law and Court of the Russian Peasants]. Moscow, Common place Publ., 2017, 334 p. (In Russ.)

Belov V.I. *Lad. Oчерki narodnoj jestetiki* [Lad. Essays on Folk Aesthetics], ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2013, 512 p. (In Russ.)

Buhovec O.G. *Social'nye konflikty i krest'janskaja mental'nost' v Rossijskoj imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty* [Social Conflicts and Peasant Mentality in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century: New Materials, Methods, and Results]. Moscow, Mosgorarhiv Publ., 1996, 398 p. (In Russ.)

Gromyko M.M. *Tradicionnye normy povedenija i formy obshhenija russkikh krest'jan XIX v* [Traditional norms of behavior and communication forms of Russian peasants in the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 277 p. (In Russ.)

Gromyko M.M. *Mir russkoj derevni* [The world of the Russian countryside]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1991, 269 p. (In Russ.)

Gurevich A.Ja. *Problema mental'nostej v sovremennoj istoriografii* [The Problem of Mentalities in Modern Historiography]. *Vseobshhaja istorija: Diskussii, novye podhody* [General History: Discussions and New Approaches], 1989, vol. 1, pp. 75–89. (In Russ.)

Gurevich A.Ja. *Istoricheskij sintez i Shkola «Annalov»* [Historical Synthesis and the Annales School], 2-е изд., доп. и испр. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh inicitiv, Universitetskaja kniga Publ., 2014, 432 p. (In Russ.)

Kedrov N.G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930 gody* [The Lapti of Stalinism. The Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2013, 280 p. (In Russ.)

Litjagina A.V. *Mental'nost' i ejo issledovanie istorikami v postsovetskij period (1990–2000-e gg.)* [Mentality and its study by historians in the post-Soviet period (1990–2000s)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 4, pp. 71–78. (In Russ.)

Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy mezhdunar. konf. [The mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries)]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 1996, 440 p. (In Russ.)

Pushkarev L.N. *Duhovnyj mir russkogo krest'janina po poslovicam XVII–XVIII vekov* [The Spiritual World of the Russian Peasant According to the Proverbs of the 18th and 19th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 192 p. (In Russ.)

Pushkarev L.N. *Chto takoe mentalitet? Istoriograficheskie zametki* [What is mentality? Historiographical notes]. *Otechestvennaja istorija* [Russian history], 1995, no. 3, pp. 158–166. (In Russ.)

Pushkarev L.N. *Evropejskaja istorija mentaliteta* [The European History of mentality]. *Voprosy istorii* [History issues], 1995, no. 8, pp. 167–169. (In Russ.)

Suhova O.A. *Nekotorye itogi izuchenija istorii mentaliteta v sovremennom rossijskom krest'janovedenii* [Some results of studying the history of mentality in modern Russian peasant studies]. *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky], 2007, no. 8, pp. 136–140. (In Russ.)

Suhova O.A. *Desjat' mifov krest'janskogo soznanija: Očerki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (koniec XIX – nachalo XX v.) po materi-*

alam Srednego Povolzh'ja [Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and the Mentality of the Russian Peasantry (Late 19th – Early 20th Centuries) based on materials from the Middle Volga region]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, 679 p. (In Russ.)

Shalaeva N.V. *Transformacija cennostnogo mira cheloveka v period revoljucionnyh processov v Rossii (1917 g.)* [Transformation of the human value world during the revolutionary processes in Russia (1917)]. *Agrarnaja nauka v XXI v.: problemy i perspektivy: sb. st. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Agricultural Science in the 21st Century: Problems and Prospects: Collection of Articles], ed. by E.B. Dudnikova. Saratov, 2019, pp. 395–399. (In Russ.)

Shalaeva N.V., Krajnov A.L. *Problema krest'janskoj mental'nosti i modernizacionnye processy Rossii nachala XX v.: teoretiko-metodologičeskij aspekt* [The Problem of Peasant Mentality and the Modernization Processes in Russia at the Beginning of the 20th Century: A Theoretical and Methodological Aspect]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2023, no. 1 (105), pp. 86–91. (In Russ.)

Zubkova E.Ju., Kuprijanov A.I. *Mental'noe izmerenie istorii: poiski metoda* [The Mental Dimension of History: In Search of a Method]. *Voprosy istorii* [History issues], 1995, no. 7, pp. 153–160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: НА МАТЕРИАЛАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918–1919 ГГ.)

Смирнов Кирилл Дмитриевич, Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия, carollsmith@vk.com, <https://orcid.org/0009-0001-9371-0241>

Катушенко Ольга Александровна, Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия, olga.katushenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1692-1528>

Шлыкова Юлия Викторовна, Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия, Julia-shlykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2304-9360>

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов исследуется процесс создания и функционирования сети домов-музеев в Нижегородской губернии в первый год после революции. Автор анализирует административно-финансовые механизмы, кадровую политику, материально-техническое обеспечение и основные направления деятельности губернского и уездных музеев. Делается вывод о том, что дома-музеи стали ключевым элементом системы внешкольного образования, выполняя не только просветительские, но и социально-организационные функции в условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи. Деятельность Нижегородского губоно демонстрирует прагматичный подход новой власти к наследию и просвещению, направленный на скорейшую организацию идеологического и культурного влияния на массы.

Ключевые слова: культурная политика, советская власть, музейное строительство, народное образование, внешкольное образование, Нижегородская губерния, архивные документы, социальная история.

Для цитирования: Смирнов К.Д., Катушенко О.А., Шлыкова Ю.В. Становление музейной сети в первые годы советской власти: на материалах Нижегородской губернии (1918–1919 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 22–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-22-25>

Research Article

MUSEUM NETWORK FORMATION IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER: BASED ON THE MATERIALS OF NIZHNY NOVGOROD PROVINCE (1918–1919)

Kirill D. Smirnov, Nizhny Novgorod State Pedagogic University, Nizhny Novgorod, Russia, carollsmith@vk.com, <https://orcid.org/0009-0001-9371-0241>

Olga A. Katushenko, Nizhny Novgorod State Pedagogic University, Nizhny Novgorod, Russia, olga.katushenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1692-1528>

Yulia V. Shlykova, Nizhny Novgorod State Pedagogic University, Nizhny Novgorod, Russia, Julia-shlykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2304-9360>

Abstract. Based on archival documents introduced into scientific circulation for the first time, the article examines the process of creating and operating a network of Museum Houses in Nizhny Novgorod Province in the first year after the revolution. The authors analyse administrative and financial mechanisms, personnel policy, logistical support and the main areas of activity of provincial and local museums. It is concluded that Museum houses had become a key element of the extracurricular education system, performing not only educational, but also socio-organisational functions in the context of the civil war and economic devastation. The activities of Nizhny Novgorod Gubernatorial District demonstrate the pragmatic approach of the new government to heritage and education, aimed at organising ideological and cultural influence on the masses as soon as possible.

Keywords: cultural policy, Soviet power, museum construction, public education, extracurricular education, Nizhny Novgorod Province, archival documents, social history.

For citation: Smirnov K.D., Katushenko O.A., Shlykova Yu.V. Museum network formation in the early years of Soviet power: based on the materials of Nizhny Novgorod Province (1918–1919). Bulletin of Kostroma State University. 2026, vol. 32, no. 1, pp. 22–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-22-25>